

Даже во второй половине дня уездный городок оставался невероятно оживленным. Повсюду на обочинах дорог тянулись торговые ряды: разносились зазывающие крики торговцев, продавалась еда, фрукты, одежда, керамика и многое другое — товары на любой вкус. Толпы людей непрерывным потоком сновали туда-сюда. В центре уезда находились нормальные больницы и торговые центры, однако туда в основном ходили люди наемного труда, тогда как большинство простых семей совершали покупки прямо на рынках. Там было дешевле, к тому же можно торговаться — за каких-то двадцать юаней удавалось купить сразу несколько футболок.

Два бледных юноши неторопливо брели к школе, и лишь спустя добрый десяток минут добрались до школьных ворот.

У ворот висела вывеска Первой средней школы уезда Ли — единственной старшей школы во всем округе. Занятия должны были начаться со дня на день, поэтому ученики из отдаленных мест приезжали на сутки раньше, чтобы обустроиться. Многие ребята тащили за спиной узлы с пожитками, направляясь к общежитиям, другим же помогали родители — в основном это были первоклассники. У школьных ворот непрерывным потоком двигались ученики, внутри территории тоже кто-то прогуливался, смеялся, баловался, и на какое-то время школа наполнилась звонким детским смехом.

Впрочем, это оживление продлится лишь сегодняшним днем. Большие железные ворота школы распахивались только по пятницам и воскресеньям: как-никак, это было интернатное учреждение, куда ученики возвращались раз в неделю.

Два подростка, закинув на плечи поклажу, шли в сторону общежитий. По пути они время от времени встречали знакомых и здоровались с Хэ Хао, а тот в ответ с улыбкой махал рукой, не замедляя шага.

Хэ Хао протянул руку, легонько толкнул идущего рядом парня в локоть и спросил:

— На каком этаже твоя комната?

Ван Чэнь искоса глянул на него и холодно бросил:

— На третьем.

Услышав это, Хэ Хао тихонько усмехнулся:

— Значит, ты в тридцать первой на третьем этаже? А я в тридцать третьей. Если понадобится какая-то помощь, обращайся.

Ван Чэнь пропустил его слова мимо ушей, даже не ответив. Про себя он подумал, что лучше всего оставаться чужаками — никакой помощи со стороны ему не требуется.

Судя по лицу собеседника, Хэ Хао легко догадался о его мыслях: тот, скорее всего, не желал

никого утруждать и заводить лишние знакомства. Впрочем, он мог это понять — в конце концов, если ни на что не надеяться, то и разочаровываться не придется.

Между ними снова повисло молчание, пока они продолжали путь к общежитиям. По дороге они миновали столовую, сразу за которой и стояли жилые корпуса — два шестизэтажных здания. Девочки жили в левом, мальчики — в правом, в каждом дежурил свой комендант.

Комнаты распределялись по классам: ученики второго и третьего года обучения поднимались выше. Впрочем, близкие друзья могли поселиться вместе или оставить всё как было — перед началом семестра разрешалось спокойно поменяться, и если не возникало серьезных проблем, учителя на это особо не смотрели.

Еще не успев войти в подъезд, они слышали шум и галдеж. Стоило переступить порог, как в нос ударил трудноописуемый запах. Вдоль всего здания тянулся длинный коридор, а двери комнат выходили внутрь. Свет в школе еще не включили, поэтому внутри было довольно сумрачно. На первом этаже в правом крыле жили преподаватели, хотя оставаться на ночь в школе соглашались лишь немногие — в основном те, кто засиживался допоздна. На первом и втором этажах правого крыла размещались первоклассники, на третьем и четвертом — второклассники, а на пятом и шестом — выпускники. В каждой комнате жило по четыре человека, а на крыше можно было сушить одежду и постельное белье.

С трудом поднявшись на третий этаж, они увидели смеющихся и резвящихся одноклассников. Подойдя к двери комнаты 301, Хэ Хао повернулся к стоявшему перед ним холодному парню:

— Чуть позже сходим вместе поесть, я хочу кое о чём с тобой поговорить!

С этими словами, даже не дожидаясь ответа Ван Чэня, он подхватил свою поклажу и направился в собственную комнату.

Ван Чэнь проводил взглядом его прямую спину, и всё его лицо заволело сложным выражением. О чём вообще они могли разговаривать? Оборвав взгляд, он вошел в комнату и принялся за распаковку вещей.

Тем временем Хэ Хао дотащил вещи до двери своей комнаты. Толкнув её, он увидел, что все на месте. Шагнув внутрь, Ван Пэн подбежал к нему и, закинув руку на плечо, весело выпалил:

— Наконец-то ты явился! Я уж думал, тебя кто-то похитил!

По характеру Ван Пэн был из тех людей, что отличаются простодушием, безудержной удалью, острым языком и невероятной верностью друзьям. Учился он хорошо, обладал связями на все случаи жизни, был тем еще говоруном, да и семья у него жила зажиточно — занималась разведением скота.

Хэ Хао скинул его руку с плеча и отпарировал:

— Отстань, это тебя еще где-нибудь унесли бы! По мне, так больше всех риск уйти с незнакомцем у Цзюцзю — лицом вышел, хоть в невесты отдавай!

С этими словами он занес узел в комнату. Ван Пэн помог ему дотащить второй, поменьше, а затем бросил его у кровати и размял плечи.

Услышав подколку в свой адрес, Чжань Цзюцзю, застилавший постель, смущенно и сердито возразил:

— Проваливай! Это ты у нас невестой годишься кому-то стать, а я — нормальный мужчина! — с этими словами он задрал рукав футболки на плечо, демонстрируя бицепс.

Трое парней расхохотались. Хэ Хао с улыбкой заметил:

— Эх, жаль только, никто меня в невесты не берет... А ты со своими тонкими ручками-ножками брось это дело, дай-ка старший брат тебе покажет!

С этими словами он напряг руку, и его бицепс бугром налился под кожей, являя миру рельефные линии мышц.

Тут же рядом с ним начали поигрывать мускулами Ван Пэн и Гао Дэн.

Глядя на них, Чжань Цзюцзю аж покраснел от злости. Он гневно ткнул в их сторону пальцем и напустился на Гао Дэна:

— Староста, ты-то куда туда же?! — затем он повернулся к остальным: — Вы вообще люди?!

Чжань Цзюцзю отличался мягким нравом, в присутствии чужих людей был застенчив, да и внешне весьма хорош собой. Учился он тоже отлично, но стоило узнать его поближе, как становилось понятно, что парень он чертовски интересный. Семья у него тоже была вполне обеспеченной.

Гао Дэн опустил руку и с улыбкой произвел успокаивающий жест:

— Цзюцзю, не кипятись, не кипятись. Ты просто слишком легко смущаешься. Сколько времени прошло, а ты всё еще краснеешь, когда злишься. Что же ты будешь делать, когда в университет поступишь?

Гао Дэн слыл у учителей примерным учеником: обладал ровным характером, ценил товарищество, и пусть внешне выглядел простовато, в душе отличался невероятной чуткостью. Его родители жили в Пекине, а сам он остался в родных краях с дедушкой и бабушкой.

Чжань Цзюцзю исподлобья глянул на него:

— До университета еще дожить надо! К тому же впереди целых два года! — с этими словами он

снова принялся за свои вещи.

Ван Пэн и Гао Дэн уже закончили распаковку. Пол в комнате был чисто подметен — судя по всему, постарались Гао Дэн с Цзюцзю, поскольку Ван Пэн о таких мелочах даже не подумал. Хэ Хао тоже не стал продолжать болтовню, развязал узел и принялся за дело. Схватив ведро, которое он предусмотрительно спрятал здесь еще до каникул, он сбегал в туалет, сполоснул его, набрал воды и вернулся, чтобы протереть доски кровати и стол. Ловко застелив матрас и простыню, он натянул пододеяльник вместо одеяла и аккуратно расставил свои вещи. На всё про всё ушел почти час. Снова сходяв в туалет, он умылся, вернулся, вытирая лицо полотенцем, и бросил ребятам:

— Который час?

Ван Пэн глянул на часы:

— Почти половина шестого, а что?

Хэ Хао, опершись руками о стол, ответил:

— Ничего, просто скоро пойду поужинать с одним человеком!

Остальные тут же обернулись к нему.

Ван Пэн с ехидной улыбкой протянул:

— С кем это? Неужели какая-то девчонка решила тебя согреть? В первый же день учебы променял обед с пацанами! Что за девчонка из школы, я её знаю?

Хэ Хао фыркнул, скрестил руки на груди и уголки его губ изогнулись в усмешке:

— Мечтай больше! Похоже, это тебе требуется чье-то тепло. О чём ты только думаешь? Я буду ужинать с Ван Чэнем.

Выслушав насмешки лучшего друга, Ван Пэн хохотнул:

— Раз нет, так что, и помечтать нельзя? Во всех романах пишут, что если не закрутишь роман в старшей школе, потом всю жизнь жалеть будешь. Так что я намерен провести школьные годы без сожалений! Кстати, этот твой Ван Чэнь случайно не тот круглый отличник из первого класса?

Хэ Хао закатил глаза:

— Именно тот Ван Чэнь, про которого ты подумал. И правда, непостижимо, что у тебя в голове творится. К тому же любовь — она как призрак: ее не увидишь и руками не потрогаешь. С чего ты вообще взял, что это любовь?

Гао Дэн тут же возразил, излагая свою точку зрения:

— Теоретически чистая любовь всё-таки существует, вопрос лишь в вероятности. Если её сейчас нет, значит, просто время еще не пришло. К тому же любовь — это всего лишь чувство, у каждого оно свое. Ого, а ты оказывается знаком с первым учеником параллели? Раньше ты об этом не упоминал!

Хэ Хао пренебрежительно усмехнулся:

— Чувства — штука эфемерная. К тому же вы просто запали на его привлекательную внешность и фигуру, а прикрываетесь высокими материями — мне аж за вас стыдно!

Ван Пэн возмущенно запротестовал:

— Эй, с чего это вдруг! Начинается всё с внешности, а держится на человеческих качествах! Давай выкладывай, как вы с ним познакомились!

Хэ Хао, прислонившись спиной к столу и сложив руки на груди, пояснил:

— Начинается с внешности — то есть сначала всё-таки посмотрели на лицо, поверхностники! Разве я вам не говорил? Мы из одной деревни, знакомы с самого детства, между прочим!

Остальные закатили глаза.

Чжань Цзюцзю развернулся, опершись спиной о спинку стула, и кивнул:

— Раньше ты об этом точно не рассказывал, это впервые!

Хэ Хао развел руками:

— Раньше мы не были близки, так, здоровались при встрече. Настоящее общение завязалось только сейчас. — С этими словами он направился к выходу и на ходу бросил: — Ужин организуйте сами, я пошел.

Подойдя к двери 301-й комнаты, он постучал. Дверь открыл кто-то из соседей Ван Чэня.

Хэ Хао улыбнулся:

— Привет, друг. Я ищу Ван Чэня, он здесь?

Тот кивнул:

— Привет, на месте. — Он обернулся вглубь комнаты и крикнул: — Ван Чэнь, к тебе! — затем снова посмотрел на Хэ Хао: — Зайдешь?

Хэ Хао покачал головой:

— Нет, спасибо!

В этот момент Ван Чэнь уже подошел к дверям. Тот парень кивнул и вернулся в комнату.

Ван Чэнь встал на пороге:

— Зачем звал?

Хэ Хао, глядя на его отстраненный вид, почему-то остро захотел увидеть, как рухнет эта ледяная стена — наверное, без этого холода он выглядел бы еще лучше. Улыбнувшись, он произнес:

— Память-то у тебя хромает. Мы же только что договорились вместе поужинать!

Ван Чэнь: «.....»

Если память ему не изменяла, он никакого согласия не давал. Но судя по виду этого парня, отвязаться от него просто так не выйдет, да и идти куда-то совсем не хотелось, особенно учитывая абсолютную пустоту в карманах.

Ван Чэнь холодно произнес:

— Выкладывай здесь, что хотел. А на ужин я не пойду.

Хэ Хао, глядя на собеседника и слушая его отказ, легко догадался, о чём тот переживает. События позавчерашнего дня наделали немало шума в деревне, поэтому он мягко сказал:

— Пойдем поедим. Целый день на ногах, нельзя же совсем ничего не бросить в желудок. Не переживай насчет остального.

Не давая Ван Чэню шанса на отказ, он ухватил его за локоть и потащил вниз по лестнице, где то и дело сножали туда-сюда ученики.

Ван Чэнь нахмурился, глядя на тянущую его вперед спину, и попытался высвободить руку, но хватка оказалась мертвой. Почему этот человек вечно ведет себя так властно? В первый раз было так же, и сейчас то же самое! Он глухим голосом бросил:

— Отпусти, я сам могу идти!

Услышав это, Хэ Хао разжал пальцы, позволив тому идти впереди, но продолжал бдительно следить, чтобы тот тайком не сбежал обратно.

Хэ Хао смотрел на шагающего впереди Ван Чэня: спина прямая, талия узкая... Боже, да он же худой до невозможности! Эту талию, пожалуй, можно двумя руками обхватить. Разве что в заднице чуть больше мяса, а так — одни кости. Всё-таки надо его откормить, а то ходит тощий как жердь!

Они гуськом вышли за территорию школы и вскоре добрались до небольшой закусочной. Изучив написанное на картонке меню, Хэ Хао заказал порцию лапши и, глядя на молчаливого Ван Чэня, сказал:

— Выбирай, чего душа пожелает, я угощаю.

Ван Чэнь подозрительно покосился на него, силясь понять, какие планы тот вынашивает. Хотя Хэ Хао и пообещал заплатить, Ван Чэнь страстно желал избежать лишних связей с кем бы то ни было. Лучше уж отказаться:

— Говори прямо, зачем позвал, а с едой я пас!

По выражению лица собеседника Хэ Хао сразу понял, о чём тот думает — парень отчаянно сторонился любых долгов. По правде говоря, Хэ Хао и сам не горел желанием сблизиться с Ван Чэнем, но сейчас он просто хотел протянуть руку помощи. Он ведь и сам прекрасно помнил, каково это — потерять деньги и голодать несколько дней подряд, ощущение отвратительное. А потом, когда вернет долг, пусть Ван Чэнь делает что хочет, к нему это больше не будет иметь никакого отношения!

— Хозяин! — крикнул Хэ Хао. — Добавьте еще одну миску лапши, большую!

Он повернулся к Ван Чэню:

— Сначала поедим, потом поговорим.

Время было раннее, посетителей в закусочной набралось всего несколько человек, сидевших за разными столиками. Разговаривать здесь оказалось неудобно — того глядишь, у собеседника заденешь самоуважение. До чего же нелепо: даже предлагая человеку деньги взаймы, приходится печься о его гордости. Да, Хэ Хао внешне умел учитывать чужие чувства, но в глубине души оставался довольно холодным человеком.

Вскоре лапшу подали. Хэ Хао вытащил из салфетницы две пары палочек, протер их и протянул одну через стол. Ван Чэнь удивленно посмотрел на него, негромко поблагодарил, а затем перевел взгляд то на огромную миску лапши перед собой, то на уплетающего за обе щеки соседа парня. В конце концов, ломаться он не стал и тоже принялся за еду.

Подростки едят быстро, и не прошло много времени, как обе миски опустели. Хэ Хао поднялся, чтобы расплатиться.

Всё удовольствие обошлось в три юаня — по полтора за порцию. Готовили в этой забегаловке

отменно, народу сюда ходило много, местечко пользовалось популярностью в округе. Поест в нешкольной столовой разрешалось в основном по воскресеньям, так что большинство учеников спешили сюда именно в этот день, чтобы побаловать себя вкусеньким.

Окрестности школы в сумерках по-прежнему кипели жизнью. Прямые стволы придорожных деревьев гордо устремлялись ввысь, а изумрудная листва трепетала на ветру, придавая этой дороге неповторимый уклад обычной жизни. Два юаня шагали снаружи. Заведя Ван Чэня за угол какого-то переулочка, Хэ Хао вытащил семьдесят юаней, протянул ему и сказал:

— Возьми. Вернешь, когда появятся деньги.

Ван Чэнь уставился на протянутую руку и купюры. Внутри него зародилось сомнение: с какой стати? Какая может быть выгода от общения с ним? Размышляя об этом, он озвучил вопрос вслух:

— Зачем?

Ван Чэнь: «.....»

Хэ Хао про себя усмехнулся. Приподняв бровь, он ответил:

— Сделка. Ты помогаешь мне подтягивать учебу в свободное время, а я одалживаю тебе деньги. Всё просто.

Услышав это, Ван Чэнь почувствовал, как камень свалился с души. Поразмыслив, он решил, что условия вполне приемлемы — в конце концов, после завершения сделки они смогут снова стать чужими людьми. Он кивнул:

— Хорошо, как только мне пришлют стипендию, я сразу всё верну!

Хэ Хао хмыкнул:

— Возвращаемся в школу. — С этими словами он зашагал обратно, а Ван Чэнь двинулся следом. Один прохладный и сдержанный, другой — крутой невозмутимый парень; на улице они привлекали немало внимания.

Многие проходящие мимо девчонки шушукались с подружками:

— Глянь, какие симпатяги! Один такой крутой, другой холодный и неприступный — просто класс! Надо же, какая удача сегодня...

Сами парни оставались в неведении относительно произведенного эффекта. Вернувшись на третий этаж, оба молча разошлись по своим комнатам.

Хэ Хао неторопливо вошел в спальню и застал троих друзей за уплетанием лапши быстрого приготовления. Он удивленно присвистнул:

— Вы что, решили поужинать этим? Я-то думал, вы в столовой поели, а то прихватил бы и на вас!

Ван Пэн оторвался от миски с лапшой и проворчал:

— Знал бы я, куда ты умогаешь. Мы тут с голодухи чуть не померли! А ты сам-то где ел?

Хэ Хао с улыбкой ответил:

— В той лавчонке у школьных ворот, куда мы всегда ходим. В следующий раз сходим вместе, сегодня просто дела были.

Чжань Цзюцзю, проглотив порцию лапши, протянул с кислинкой в голосе:

— Наверняка дела крутились вокруг первого ученика параллели! Что может быть важнее нас? Знал бы я, что ты туда отправишься, тоже не стал бы заваривать эту гадость!

Гао Дэн с умилением глянул на Цзюцзю, открутил крышку фляжки и протянул ему воду, а сам бросил на Хэ Хао многозначительный взгляд, ничего не говоря.

Чжань Цзюцзю схватил фляжку и жадно заглотил несколько глотков.

Хэ Хао почесал затылок и смущенно произнес:

— Ой, об этом не распространяются. Тут дело касается личной жизни человека!

Стоило заикнуться о секретах, как у всех троих загорелись глаза. Они уставились на него с нешуточным интересом.

Хэ Хао: «.....»

Пришлось вкратце рассказать им о случившемся: одолжил денег, обрисовал ситуацию Ван Чэня, но под конец строго-настрого предупредил, чтобы язык за зубами держали. В конце концов, это были его братья по комнате, которым он всё же доверял.

Выслушав историю, парни дружно подняли руки, заверяя в своей надежности.

Ван Пэн протянул:

— Бедняга... А ты часом не сочинил это всё?

Гао Дэн кивнул, соглашаясь:

— Разве бывают такие семьи? Неужели родители могут отказаться от собственного ребенка? С

трудом верится!

Чжань Цзюцзю нахмурился:

— Почему бы и нет? Мир велик, чего в нем только не встретишь. Просто когда такое происходит прямо у тебя под носом, кажется невероятным!

Все трое сохраняли изрядную долю скептицизма.

Хэ Хао: «.....»

Решив больше не спорить с ними, он повторил:

— Смотрите мне, ни слова никому. Если правда всплывет и его начнут донимать, я не при делах! Слухи-то ползли из их комнаты, а он вовсе не собирался прослыть сплетником.

Помолчав, троица снова принялась обсуждать эту тему. Хэ Хао больше ничего не добавлял: он понимал, что они еще слишком мало сталкивались с изнанкой жизни, соприкасаясь лишь с детскими обидками. Вырастут — увидят и похуже, а пока сохранять эту чистоту было даже неплохо.

Он объявил друзьям:

— Я в душ!

Взяв туалетные принадлежности, он отправился в умывальную в конце коридора. Нормальной душевой в школе не было, имелся лишь ряд кранов, так что приходилось набирать воду в ведра и мыться по старинке: зубы почистить, лицо ополоснуть, ополоснуться целиком — всё за один заход. Летом это еще куда ни шло, но зимой превращалось в настоящее испытание.

Минут через пятнадцать посвежевший Хэ Хао вернулся в комнату и обнаружил, что приятели всё еще продолжают перемывать кости этой истории. Он бросил:

— Вы до сих пор не уgomонились? А сами мыться не собираетесь?

Гао Дэн повернулся к нему:

— Да мы уже о другом. В конце концов, чужие тайны — это чужие тайны. Узнали и узнали, всё равно ничем не поможешь.

Хэ Хао уселся на табурет и принялся растирать коротко стриженую голову полотенцем:

— Рассуждать о том, что помочь нельзя, проще простого. Всё зависит от самого человека, а пустые разговоры — это так, послушать историю ради интереса. Давайте шустрее в умывальну.

Гао Дэн, глядя на него, порой ловил себя на мысли: а ему точно семнадцать? Почему он порой производит впечатление человека лет двадцати семи? Он хлопнул Хэ Хао по плечу и произнес:

— Хао-цзы, порой жить с открытыми глазами слишком тяжело, от этого быстро устаешь.

Хэ Хао отмахнулся от его руки полотенцем:

— Твоя невытая тушка ко мне липнет! Марш в душ!

Гао Дэн с хохотом отпрыгнул в сторону:

— Всё-всё, виноват, иду мыться!

Он знал, что у Хэ Хао наблюдался легкий пунктик на чистоте — скорее психологического свойства. Тот выстраивал определенную дистанцию с малознакомыми людьми и ко всему относился с изрядной долей пессимизма. Но стоило сойтись с ним поближе, как этот защитный панцирь исчезал, и сквозь него проступала свойственная возрасту мальчишеская непосредственность.

Затем Хэ Хао собрал пустые миски из-под лапши, сложил их в пакет и оставил у двери, чтобы завтра по пути захватить с собой и выбросить.

Гао Дэн прихватил принадлежности Цзюцзю, Ван Пэн подхватил собственное ведро, и они вместе отправились умываться. Вернувшись, парни улеглись на кровати и принялись травить байки о том, как провели каникулы.

Ван Пэн принялся жаловаться:

— Вы даже не представляете, как мне не повезло! Я всё лето провел на родительской звероферме — это же просто крышеснос какой-то! Попытался помочь — родители тут же наорали, что путаюсь под ногами. Перестал помогать — опять скандал, мол, целыми днями только и делаю, что жру и бездельничаю. Трудные времена настали...

Чжань Цзюцзю подхватил:

— Тебе и впрямь не позавидуешь, хотя родители везде примерно одинаковые. А я вот ездил на юг. Вы же знаете, мои старики работают там, даже купили квартиру — надеются, что я буду поступать в университет в тех краях или останусь там жить. Прибрежный мегаполис, очень оживленный, но жутко властный... тьфу, влажный! Я попробовал местную еду, сходил в парк развлечений. А еще там потрясающе слаженно танцуют на площади! Я даже попробовал повторить движения, выглядело дико глупо и смешно, но сам город мне не по душе.

Услышав, что Цзюцзю планирует обосноваться на юге, Гао Дэн встревоженно спросил:

— А как же твои собственные планы? Разве ты не хотел поступать на севере? Неужели откажешься?

Чжань Цзюцзю почувствовал, как внутри у него всё сжалось от горечи. Мысленно он подумал: если бы можно было, я бы хотел остаться с тобой в одном городе... но в твоём будущем меня наверняка нет.

Подавив эмоции, он ответил:

— Не знаю. Я ещё ничего не решил, пушу всё на самотек.

Гао Дэн тихонько хмыкнул про себя. Юг, север... неужели между ними действительно не останется ни единого шанса? Если бы появилась возможность, он бы с радостью поступил с ним в один университет, в один город.

Не дождавшись ответа, Ван Пэн подтолкнул его:

— Эй, Дэн-цзы, а ты чем занимался всё лето? Колись давай!

Выдернутый из раздумий Гао Дэн сделал вид, что ему всё нипочем, и ответил:

— Я мотался в Шанхай. Погулял там знатно — очень оживлённое место, создает ощущение какой-то иллюзорности, прямо манит остаться. Если всё сложится удачно, хочу поступать в тамошний университет, но загадывать рано, поживём — увидим.

Лёжа на кровати, Хэ Хао слушал рассказы друзей и находил их весьма занятыми. В конце концов он поделился и своими впечатлениями от поездки:

— Вы же знаете, мои родители трудятся в Пекине. Мы с младшим братом тряслись в поезде больше десяти часов, пока добрались. Сначала было так интересно, казалось — вот оно, величие большого города, сказка, в которой хочется остаться навсегда. Родители снимают крошечную квартиру в ряду одноэтажек на окраине, там невероятно тесно: четверо в крохотной комнатке, удобств минимум. Сами домики не больше одной комнаты в нашем деревенском доме. Мы попробовали местную еду, но родителям некогда было нас водить по достопримечательностям — они пахали с утра до ночи, чтобы заработать копейку. Глядя на их изможденные лица, я чувствовал себя совершенно беспомощным. Я и так не умел с ними сходить, особой привязанности не было, так что всё, что я мог сделать — это не создавать лишних проблем да готовить еду. В том чужом месте мне было неуютно до жути, и через месяц мы с братом вернулись домой. Но когда я приехал во второй раз, ощущения оказались совсем другими. Город казался огромным чудовищем, выпивающим человеческие души, пожирающим мечты и мужество, и с жестоким безразличием наблюдающим, как большинство людей бьется в нем, ломается, испытывает боль и разочарование. Он дарит крохи надежды, чтобы потом обрушить еще большее отчаяние, и оставляет место под солнцем лишь единицы.

Он замолчал.

— В общем, было там и хорошее, и плохое. Но этот осадок лег на душу тяжелым камнем, а высказать всё это словами почему-то не получается.

Подростки делились друг с другом сокровенными мыслями. Тяжелая тема заставила всех умолкнуть: юные умы еще не могли до конца постичь мир взрослых, поэтому оставалось лишь вздыхать, выражая то, что не удавалось облечь в слова.

В этот момент в общежитии погас свет. Полумрачные сумерки затянули молчание, хотя за стенами слева и справа по-прежнему доносились звонкие голоса. Приближалось начало учебного года, и все ученики ждали наступления нового дня с замиранием сердца.

Ван Пэн, исполнявший в комнате роль главного заводилы, отпустил пару шуток, переводя тему разговора. Тяжелая атмосфера вскоре рассеялась, поставив точку в сегодняшнем дне.

<http://bllate.org/book/21860/2268552>